

ХОРХЕ ЛУИС
БОРХЕС

КНИГИ Х. Л. БОРХЕСА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
«АЗБУКА-АТТИКУС»:

АЛЕФ

САД
РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

КНИГА ПЕСКА

АТЛАС.
ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

СОЗДАТЕЛЬ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
БЕСЧЕСТЬЯ

ЗЕРКАЛО ЗАГАДОК

КНИГА
ВЫМЫШЛЕННЫХ СУЩЕСТВ

ДУМАЯ ВСЛУХ.
СЕМЬ ВЕЧЕРОВ

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

ДУМАЯ ВСЛУХ

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ

Колibri

Москва

УДК 82
ББК 83.3(0)
Б 83

Jorge Luis Borges
BORGES ORAL
Copyright © 1995, María Kodama
SIETE NOCHES
Copyright © 1995, María Kodama
NUEVE ENSAYOS DANTESCOS
Copyright © 1995, María Kodama
All rights reserved

Перевод с испанского Бориса Дубина, Бориса Ковалева,
Кирилла Корконосенко, Валентины Кулагиной-Ярцевой

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © Б. В. Дубин (наследник), перевод,
примечания, 2022
- © Б. В. Ковалев, перевод, примечания,
2022
- © К. С. Корконосенко, перевод,
примечания, 2022
- © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1992
- © Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство КоЛибри®

ISBN 978-5-389-21424-8

Предисловие

Когда университет Бельграно предложил мне прочесть пять лекций, я выбрал темы, к которым меня приспособило время. Первая тема — книга, предмет, без которого я не могу вообразить свою жизнь, который для меня не менее важен, чем руки или глаза. Вторая — бессмертие, эта угроза или надежда, которой грезило столько поколений и которая определяет немалую часть поэзии. Третья тема — Сведенборг, визионер, написавший, что мертвые вольны выбирать между раем и адом по своему свободному желанию. Четвертая — детектив, игра с жесткими правилами, завещанная нам Эдгаром Алланом По. Пятая — это время, оно остается для меня главнейшей проблемой метафизики.

Спасибо слушателям, удостоивших мои лекции своим снисходительным вниманием. Мои выступления пользовались успехом,

какого я не ждал и, определенно, не заслуживал.

Лекция, как и чтение, — это процесс, основанный на сотрудничестве, и те, кто слушает, не менее важны, чем тот, кто говорит.

В этой книге собран мой личный вклад в наши встречи. Надеюсь, читатель обогатит эти лекции так же, как их обогатили слушатели.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 3 марта 1979 года

КНИГА

Из всех разнообразных изобретений человека самое поразительное — это, несомненно, книга. Прочие являются продолжением человеческого тела. Микроскоп и телескоп — продолжения глаз; телефон — продолжение голоса; плуг и меч — продолжения руки. Но книга — совсем иное дело: книга — это продолжение памяти и воображения.

Когда в «Цезаре и Клеопатре» Бернарда Шоу заходит речь об Александрийской библиотеке, ее называют памятью человечества. Вот что такое книга, но, больше того, книга — это воображение. Что такое наше прошлое, если не череда сновидений? Есть ли какая-то разница между тем, как вспоминают сны и как вспоминают прошедшее? Именно эту работу выполняет книга.

Мне не раз приходило в голову написать историю книги. Не с материальной точки зрения. Меня интересуют не книги как пред-

меты (и уж конечно не интересуют непомерные собрания библиофилов), а разнообразные оценки, которые получала книга. Меня опередил Шпенглер: в его «Закате Европы» есть замечательные страницы, посвященные книге. К словам Шпенглера я хотел бы добавить кое-что от себя.

Древние греки не знали культа книги — и это меня удивляет; в книге видели суррогат устного слова. Фраза, которую так часто цитируют, «*scripta manent, verba volant*»¹, означает не то, что устное слово эфемерно, а то, что письменное слово долговечно и мертво. Напротив, в устном слове есть нечто легковесное — «крылатое и священное», как выразился Платон. Все великие учителя человечества были учителями устного слова.

Рассмотрим для начала случай Пифагора. Мы знаем, что Пифагор намеренно ничего не записывал. Он не писал, потому что не хотел связывать себя написанным словом. Ему определенно было знакомо ощущение «буква убивает, а дух животворит», о котором позже будет сказано в Библии. Он не позволил себя увлечь написанному слову, вот почему Аристотель никогда не говорит о Пи-

¹ Написанное остается, слова улетают (лат.).

фагоре — только о пифагорейцах. Он, например, сообщает, что пифагорейцы исповедовали веру и догмат вечного возвращения (которое много позже будет заново открыто Фридрихом Ницше). Речь идет об идее циклического времени, отвергнутой святым Августином в трактате «О граде Божием». Августин использует красивую метафору: крест Христа указывает нам выход из кругового лабиринта стоиков. К идее циклического времени обращались также Юм, Бланки... и многие другие.

Пифагор сознательно не прибегал к письму, он хотел, чтобы его разум жил по другую сторону телесной смерти, в памяти его учеников. Вот откуда пришло знаменитое (греческого я не знаю, постараюсь выразить по-латински) «Magister dixit» («так сказал учитель»). Эта фраза не означает, что ученики были связаны тем, что сказал учитель, — наоборот, она утверждает свободу продолжать и заново обдумывать изначальную мысль учителя.

Мы не знаем, говорил ли сам Пифагор о циклическом времени, но зато мы знаем, что это учение исповедовали его последователи. Тело Пифагора умирает, но ученики (такое подобие переселения душ порадовало бы

Пифагора) продолжают обдумывать и заново переосмысливать его идеи, а когда их упрекают, будто они сказали нечто новое, они укрываются за этой формулой: «так сказал учитель» («Magister dixit»).

Но у нас есть и другие примеры. Платон сказал (возможно, думая о скульптурах или картинах), что книги как образы: мы считаем их живыми, но если задать им вопрос, они не ответят. И чтобы исправить эту книжную немоту, он изобретает платоновский диалог. Иными словами, Платон умножает себя в ряде персонажей: в Сократе, Горгии и в других. Мы также имеем право считать, что после смерти Сократа Платон искал утешения в мысли, что Сократ продолжает жить. Столкнувшись с любой проблемой, он говорил себе: а что бы сказал по этому поводу Сократ? Таким получилось бессмертие Сократа, который тоже был изустным учителем и не оставил после себя никаких записей.

О Христе мы знаем, что он лишь однажды написал какие-то слова на песке, которые вскоре были стерты. О других его записях нам ничего не известно. Будда тоже был изустным учителем, до нас дошли его проповеди. А еще у нас есть высказывание свя-

того Ансельма: «Вкладывать книгу в руки невежды столь же опасно, как вкладывать меч в руки ребенка». Вот как судили о книгах. На Востоке до сих пор живо убеждение, что книга не должна ничего объяснять — книга должна лишь помогать нам открывать мир. Несмотря на незнание иврита, я немного изучал каббалу, я читал английские и немецкие переводы «Зохара» («Книги сияния») и «Сефер Йециры» («Книги творения»). Я знаю, что эти книги написаны не для понимания, но созданы для толкования, они как шпоры, побуждающие читателя продолжить мысль. Классическая Античность не обладала нашим уважением к книге, хотя известно, что Александр Македонский держал под подушкой «Илиаду» и меч, у него было два оружия. Гомер пользовался огромным уважением, однако он не являлся священным писателем в том смысле, который мы придаем этому слову ныне. Никто не считал «Илиаду» и «Одиссею» священными текстами: это были уважаемые книги, но их можно было критиковать.

Платон изгнал поэтов из своего «Государства», не навлекая на себя подозрений в ереси. К этим свидетельствам древних мы мо-

жем добавить любопытное высказывание Сенеки. Одно из его замечательных писем к Луцилию направлено против очень тщеславного человека, о котором говорили, что он владеет библиотекой в сотню томов. «У кого же, — вопрошает Сенека, — найдется время, чтобы прочесть сто томов?» Теперь же, наоборот, большие библиотеки вызывают уважение.

Нам непросто понять отношение Античности к книге, которое совсем не походило на нынешний культ книги. В ней видели лишь суррогат устного слова, однако позже с Востока приходит новая идея, незнакомая классической Античности: идея священной книги. Давайте рассмотрим два примера и начнем с более позднего — с мусульман. Мусульмане считают, что Коран предшествует сотворенному миру, предшествует арабскому языку; он не создание Бога, но один из Его атрибутов, подобно Его милосердию или Его справедливости. В Коране весьма загадочным образом говорится о матери книги. Мать книги — это скрижаль Корана, записанная на небесах. В целом это похоже на платоновский архетип Корана, и книга эта — так сказано в Коране — является атрибутом Бога и пред-

шествует сотворению мира. Вот что утверждают мусульманские ученые-улемы.

А теперь возьмем более близкие нам примеры: Библию или, конкретнее, Тору («Пятикнижие»). Считается, что эти книги были продиктованы Святым Духом. Вот что любопытно: книги разных авторов и эпох приписываются одному и тому же Духу; однако в самой Библии говорится, что «Дух дышит где хочет». Евреям пришла в голову мысль объединить различные произведения различных эпох и составить из них единую книгу, под названием Тора (по-гречески — Библия). Все эти книги приписываются одному автору — Духу.

Однажды Бернарда Шоу спросили, верит ли он, что Библию написал Святой Дух. И Шоу ответил: «Любая книга, которую стоит перечитывать, написана Духом». Иными словами, книга должна выходить за пределы авторского замысла. Авторский замысел — это жалкое и обманчивое суждение человека, и в книге должно быть нечто большее. «Дон Кихот», к примеру, — это больше, чем сатира на рыцарские романы. «Дон Кихот» — это абсолютный текст, в котором для случайности нет места.

Давайте представим себе последствия этой идеи. Например, я говорю:

Бегущие струи, прозрачны, чисты,
И деревья, чья в них глядится крона,
И плущ, что крадется извилистой тропею...

Каждая из этих трех строк, определенно, написана ямбом. Таково было желание автора, и оно произвольно.

Но это ничто в сравнении с произведением, написанным Духом, с идеей Божественности, снизошедшей на литературу и диктующей книгу. В такой книге ничто не может быть случайным, все должно быть обосновано, вплоть до каждой буквы. Так, например, считается, что Библия начинается («Берешит бара Элохим»¹) с буквы «Б», потому что так начинается слово «благословлять». Речь идет о книге, в которой нет ничего, абсолютно ничего, случайного. Это подводит нас к каббале, подводит к изучению букв, к священной книге, продиктованной Божеством. Это полная противоположность античным представлениям. У греков и римлян муза никогда не являла себя столь определенно.

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса», — призывает Гомер в начале «Илиады». Таким обра-

¹ В начале сотворил Бог (*древнеевр.*).

зом, муза здесь соответствует вдохновению. Напротив, когда мы думаем о Духе, мы думаем о чем-то более конкретном и могущественном: о Боге, который снисходит на литературу. О Боге, который пишет книгу. В такой книге нет ничего случайного: количество букв, число слогов в каждом стихе, возможность перестановки букв и словесных игр, возможность учитывать числовое значение букв — все это уже было предусмотрено.

Итак, вторая великая идея книги в том, что книга может оказаться Божественным творением. Наверное, эта идея ближе к нашим нынешним представлениям, чем отношение к книге в Античности (повторюсь, книга рассматривалась всего-навсего как суррогат устного слова). Позднее вера в священную книгу ослабевает и замещается другими верованиями. Например, убежденностью, что олицетворением каждой страны является одна книга. Вспомним, что мусульмане именуют евреев «народом книги»; вспомним и фразу Генриха Гейне о нации, чья родина — книга (Гейне имел в виду Библию и евреев). Здесь перед нами новая идея: каждая страна должна быть представлена одной книгой или, по крайней мере, одним автором, написавшим несколько книг.

Забавно — не думаю, что кто-нибудь прежде обращал на это внимание, — что страны избрали себе писателей, которые не слишком похожи на эти страны. Англия, например, могла бы выбрать своим представителем доктора Джонсона, однако же остановила свой выбор на Шекспире, а Шекспир, скажем так, наименее английский из всех английских писателей. Для англичан типична understatement¹, когда говорят чуть меньше, чем хотят сказать. Шекспир же, наоборот, в своих метафорах склонен к гиперболе, и нас ничуть не удивило, если бы Шекспир был итальянцем или, например, евреем.

А вот случай Германии: эта удивительная страна, весьма склонная к фанатизму, выбирает себе человека толерантного, вовсе не фанатичного и не слишком озабоченного идеей родины — выбирает Гёте. Германию представляет Гёте.

Франция так и не выбрала своего единственного автора, но все-таки тяготеет к Гюго. Разумеется, я преклоняюсь перед Гюго, однако он — нетипичный француз. Гюго во Франции иностранец; Гюго со своими громадными декорациями и пространными метафорами для Франции нетипичен.

¹ Недосказанность (англ.).

СОДЕРЖАНИЕ

ДУМАЯ ВСЛУХ

Предисловие. Перевод К. Корконосенко	7
Книга. Перевод К. Корконосенко	9
Бессмертие. Перевод Б. Дубина	25
Эммануил Сведенборг. Перевод Б. Ковалева	44
Детектив. Перевод Б. Дубина	65
Время. Перевод Б. Ковалева	86

СЕМЬ ВЕЧЕРОВ

Перевод В. Кулагиной-Ярцевой

Вечер первый. «Божественная комедия»	107
Вечер второй. Кошмар	138
Вечер третий. «Тысяча и одна ночь»	163
Вечер четвертый. Буддизм	185
Вечер пятый. Поэзия	213
Вечер шестой. Каббала	240
Вечер седьмой. Слепота	260

ДЕВЯТЬ ОЧЕРКОВ О ДАНТЕ

Предисловие. Перевод В. Кулагиной-Ярцевой	285
Высокий замок из Песни четвертой Перевод В. Кулагиной-Ярцевой	295

Содержание

Мнимая загадка Уголино. Перевод Б. Дубина	304
Последнее плавание Улисса	
Перевод В. Кулагиной-Ярцевой	311
Милосердный палач. Перевод Б. Дубина	319
Данте и англосаксонские видения	
Перевод Б. Дубина	325
«Чистилище», I, 13	
Перевод В. Кулагиной-Ярцевой	334
Симург и орел. Перевод В. Кулагиной-Ярцевой	337
Свидание во сне. Перевод Б. Дубина	344
Последняя улыбка Беатриче	
Перевод Б. Дубина	352
Примечания. Б. Дубин, Б. Ковалев, К. Корконосенко	359

Борхес Х. Л.

Б 83 Думая вслух. Семь вечеров / Хорхе Луис Борхес ; пер. с исп. Б. Дубина, Б. Ковалева, К. Корконосенко, В. Кулагиной-Ярцевой. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-389-21424-8

Хорхе Луис Борхес — один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру, — они полны тайн и фантастических образов, чьи истоки следует искать в литературах и культурах прошлого.

В настоящее издание вошли три книги Борхеса: сборники лекций «Думая вслух» и «Семь вечеров», в которых поднимаются самые важные для автора темы («Книга», «Время», «Поэзия», «Слепота» и др.), а также «Девять очерков о Данте» — собрание текстов, представляющих новый взгляд на историю любви и творчества великого итальянского поэта эпохи Возрождения.

УДК 82
ББК 83.3(0)

Литературно-художественное издание

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
ДУМАЯ ВСЛУХ
•
СЕМЬ ВЕЧЕРОВ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Виктория Седакова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать 12.09.2022. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,16.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство Колибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-CHM-30370-01-R